

щих или обрабатывающих большие массивы данных. В иных ситуациях целесообразнее расширять функционал менеджеров и включать управление знаниями в их должностные обязанности.

По мнению отечественных менеджеров, управление знаниями является совокупностью действий по управлению персоналом, ИТ и коммуникациями. При этом они не отрицают специфичности данного вида управления. Управление знаниями, согласно прогнозам управленцев, будет постепенно распространяться в отечественной практике менеджмента, однако существует ряд объективных и субъективных причин, перечисленных нами выше, которые тормозят этот процесс.

В заключение хотелось бы отметить, что проведенное нами исследование является одним из первых в данной области. Оно выделяет актуальные проблемы управления знаниями в России и служит фундаментом для дальнейшего изучения деятельности по управлению знаниями.

Литература

1. Вииг К. Словарь управления знаниями // Ин-т исследования знаний (корпорация). URL: http://www.krii.com/downloads/KM_glossary.pdf (сентябрь 2009).

2. Гапоненко А. Л. Управление знаниями. – М.: РАГС, 2001. – 52 стр.

3. Граждан В.Д. Социология управления: учебник. – М.: КНОРУС, 2008. – 512 с.

4. Денисов В.М. Вначале был менеджер: статья на сайте «Корпоративный менеджмент». URL: www.cfin.ru – <http://www.cfin.ru/management/people/denisov-02.shtml> (сентябрь 2009)

5. Катыкало В.С. Место и роль ресурсной концепции в развитии теории стратегического управления // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 8: Менеджмент. – 2003. – Вып. 3 (№24). – С. 3-17.

6. Квале С. Исследовательское интервью. – М.: Смысл, 2003. – 301 с.

7. Мильнер Б.З., Румянцева З.П., Смирнова В.Г., Блиникова А.В. Управление знаниями в корпорациях: учеб. пособие / под ред. Б.З. Мильнера. – М.: Дело, 2006. – 304 с.

8. Семенова В.В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. – М.: Добросвет, 1998. – 292 с. URL: http://window.edu.ru/window_catalog/files/r42457/vved.pdf (сентябрь 2009).

9. Тихонов А.В. Социология управления. Изд. 2, доп. и перераб. – М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2007. – 472 с.

Мерзлякова Елена Викторовна, ассистент кафедры теории и истории социологии, ф-т СЭП, МПГУ, г. Москва

Merzlyakova Elena Viktorovna, assistant of department of theory and history of sociology, MPSU, Moscow.

E-mail: elena-vm07@rambler.ru

УДК 316.356.2

И.В. Петрова

СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ РАЗЛИЧИЯ В ПРИРОДЕ И ИЕРАРХИИ РОДИТЕЛЬСКИХ ЦЕННОСТЕЙ

Рассмотрены отношения родителей к детям, ценность ребенка в Античное время и Средневековье, представлена историческая трансформация проблемы.

Ключевые слова: рождаемость, ценности, родительская любовь, детоцентризм.

I.V. Petrova

SOCIAL-HISTORICAL DIFFERENCIES IN NATURE AND HIERARCHY OF PARENTAL VALUES

This article deals with relations between parents and children, value of a child in ancient and medieval times, historical transformation of the problem is represented.

Key words: birth-rate, values, parental love, progressivism

В современных условиях, когда ускорение темпов падения рождаемости приобретает характер глобального феномена, актуальными становятся вопросы, связанные с изучением отцовства и материнства как социокультурных феноменов, с отношением личности, семьи, общества к детям, деторождению, с ценностью человеческой жизни, особенно у ее истоков. Эти вопросы, в свою очередь, требуют конкретно-исторического осмысления.

Демографы, историки, социологи и представители других научных дисциплин отмечают, что с древних времен отношение родителей к детям радикально менялось. Сравнительно-исторические данные убедительно показывают, что современные представления о родительской любви к своим де-

тям, которые мы привыкли считать универсальными, на самом деле продукт длительного и весьма противоречивого исторического развития.

Так, в первобытном обществе инфантицид был широко распространенным явлением. В отличие от убийства взрослого человека убийство ребенка не считалось таким преступлением, в наказании которого заинтересовано все общество; похоронный обряд ребенка сводился к минимуму или вовсе отсутствовал. Вместе с тем иметь детей считалось почетным, и не только родители и близкие родственники, но и другие взрослые члены общины были обычно ласковы и внимательны к детям. Следует отметить, что на ранних стадиях развития человеческого общества индивидуальное родительство

вообще не институционализировалось, уход за детьми и их воспитание были делом всей родовой общины.

Широкое распространение детоубийства было тесно связано с дефицитом средств к существованию. Такую политику поддерживали правители тех времен, опасаясь излишнего увеличения населения. Платон в книге «Государство» пишет: «...уроды, незаконнорожденные, дети слишком взрослых родителей должны быть убиваемы; не должно никогда обременять ими республику» [1]. Вслед за Платоном Аристотель утверждает: «Закон должен определить, какие из новорожденных должны быть сохранены, какие умерщвлены; ни в коем случае не должно воспитывать уродов или детей, лишенных какого-либо члена». Подобную тему затрагивал Цицерон, он писал, что смерть ребенка нужно переносить «со спокойной душой», а Сенека считал разумным топить слабых и уродливых младенцев. Маленькие дети не вызывают у античных авторов чувства умиления, их большей частью просто не замечают. Ребенок рассматривается как низшее существо, он в буквальном смысле слова «принадлежит» родителям, как прочая собственность.

Право полновластно распоряжаться жизнью и смертью детей было запрещено лишь в конце IV в. н. э., около 390 г. Инфантицид стали считать преступлением только при императоре Константине, в 318 г. [2].

Запрещение детоубийства еще не было также признанием за ребенком права на любовь и тем более автономное существование. Недаром большинство средневековых авторов вспоминают свое детство с ужасом. «Кто не ужаснулся бы при мысли о необходимости повторить свое детство и не предпочел бы лучше умереть?» – восклицает Августин [3]. В общем и целом Л. Демоз имел все основания начать свою статью «Эволюция детства» словами: «История детства – это кошмарный сон, от которого мы только недавно начали пробуждаться» [4].

Нельзя говорить об особой любви к детям вплоть до XVII в. Ученые Ф. Ариес, Д. Херлихи полагали, что среди причин жестокого отношения к детям были и факторы психологического порядка: понимание детства как особого периода в развитии человека отсутствовало; ребенок воспринимался как маленький взрослый, уже с 7 лет он начинал трудиться вместе со взрослыми. Исследователи обосновывали свою точку зрения тем, что младенцы на иконах изображены как взрослые; что детские надгробия отсутствуют; что в педагогических трактатах не прослеживается понимание возрастных особенностей детей. Среди причин и проявлений этого – то обстоятельство, что большинство детей вскармливалось не матерью, а кормилицами, которые к тому же часто жили отдельно от семьи ребенка, в деревне. Пока ребенок находился у кормилицы (в среднем 1,5-2 года, но это могло про-

должаться и дольше), мать почти не вспоминала о нем [5]. Этот обычай был весьма широко распространен в среде феодализировавшейся и раннефеодальной знати.

Тем не менее вопрос о родительской любви является дискуссионным. Средневековые хроники, жития святых и документы XVI-XVII вв. донесли до нас множество трогательных историй о самоотверженных и ласковых матерях и внимательных воспитателях. Есть данные, собранные исследователями, свидетельствующие о теплом чувстве родителей к детям, о родительской любви: в источниках упоминается об отцах, играющих с сыновьями в мяч, о матерях, любящих делать прически своим дочерям; сохранились письма родителей, безутешных в своем горе после безвременной потери детей.

Двойственное отношение к детям нашло свое отражение в пословицах и поговорках. Одну и ту же русскую пословицу В.И. Даль приводит в противоположных вариантах: «С ними горе, а без них вдвое» и «Без них горе, а с ними вдвое» [6]. Существовали даже особые так называемые смертные байки, содержавшие пожелания смерти детей. В крестьянской среде господствовала установка: «бог дал, бог взял» и «на живое, так выживет».

Однако целый ряд объективных причин затруднял формирование устойчивой эмоциональной близости между родителями и детьми. Так, на фоне высокой рождаемости была и высокая смертность. Люди погибали от голода, эпидемий, стихийных бедствий, тяжелых условий жизни, антисанитарии. И первыми жертвами всегда были дети. Смерть ребенка в древнее время расценивалась как вполне нормальное явление, не вызывающее сильных отрицательных эмоций (отчаяния, депрессии и т.д.) у родителей. В среднем женщины рожали по 7-8 детей, но больше половины из них умирали. Желаемого количества детей достигали лишь немногие родители. Страх перед детской смертностью заставлял их воспроизводить потомство столько, сколько это было физиологически возможно для конкретной супружеской пары. Родители мало заботились о своих детях, мало интересовались будущими поколениями. Не привязанные к определенной территории, не воплощаясь ни в чем стабильном и ничем не владея, они не заботились о том, чтобы пережить себя, не узнавали себя в своих потомках; дети были для них обузой, а не богатством. Высокая рождаемость и еще более высокая смертность делали жизнь отдельного ребенка, особенно если он не был первенцем, далеко не такой ценной, как сегодня.

Даже знатные люди, пышно праздновавшие рождение детей, довольно спокойно переживали их потерю. Французский философ Монтень (1533-1592) по этому поводу писал: «Я сам потерял двух или трех детей, правда, в младенческом возрасте, если и не без некоторого сожаления, но, во всяком случае, без ропота» [7, с. 218]. Ему вторит извест-

ный русский мемуарист XVIII в. А.Т. Болотов: «Оспа... похитила у нас сего первенца к великому огорчению его матери. Я и сам, хотя и пожертвовал ему несколькими каплями слез, однако перенес сей случай с нарочитым твердодушием: философия помогла мне много в том, а надежда... вскоре опять видеть у себя детей, ибо жена моя была опять беременна, помогла нам через короткое время и забыть сие несчастье, буде сие несчастьем назвать можно» [8].

Такая странная для современного человека холодность – не столько проявление философского стоицизма, сколько психологическая защитная реакция на то, что случалось, увы, слишком часто. Фатализм и смирение были в этих условиях естественны.

Жестокими были и методы воспитания детей. Воспитание было основано на принципе старшинства. Детям в ней отводилось сугубо зависимое, подчиненное положение. Вот, например, как описывает взаимоотношения детей и родителей в русской семье XVI-XVII вв. Н.И. Костомаров: «Между родителями и детьми господствовал дух рабства, прикрытый ложною святостью патриархальных отношений... Покорность детей была более рабская, чем детская, и власть родителей над ними переходила в слепой деспотизм без нравственной силы» [9].

Согласно Уложению 1649 г., дети не имели права жаловаться на родителей, убийство сына или дочери каралось всего лишь годичным тюремным заключением, тогда как детей, посягнувших на жизнь родителей, закон предписывал казнить «безо всякие пощады». Это неравенство было устранено только в 1716 г. [10, с. 118-119]. Мемуарная литература первой половины XVIII в. пестрит воспоминаниями о побоях, издевательствах, родительском произволе [9, с. 81-122]. Даже в конце XVIII – начале XIX в., когда детоцентристская ориентация прочно утвердилась в общественном сознании, сделав родительскую любовь одной из главных нравственных ценностей, мысль, что родители должны жить ради детей, вовсе не была общепринятой.

И все же, несмотря на невысокую родительскую любовь к детям, деторождение во все времена считалось природной обязанностью, которую каждый человек должен выполнить. И в силу глубокой религиозности общества умышленный отказ от деторождения считается большим грехом.

Фундаментальные основы для нашего размышления находим в Священном Писании Ветхого Завета. Ключевая фраза для таких размышлений содержится в первой главе Книги Бытия (Быт 1,28): «И сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею...». Этот библейский текст, являющийся едва ли не самым отдаленным источником, свидетельствует о том, что деторождение – это Божие благословение, оно ес-

тественно и свято.

О радости деторождения говорит и сам Иисус: «Женщина, когда рождает, терпит скорбь, потому что пришел час ее; но когда родит младенца, уже не помнит скорби от радости, потому что родился человек в мир» (Ин. 16, 21). Дать новую жизнь – привилегия человека, дарованная ему Богом, считает православная церковь и всегда осуждает искусственный контроль над деторождением, ибо это искажает собственное естество человека.

О благословенном рождении детей и их богоугодном воспитании пишет Святой Тихон Задонский: «Да имут правое намерение, во еже сочетаться не скотски, и не ради плотского угодия, но дабы род человеческий к славе Божьей умножился, по благословенному рождению и по благоугодному чадовоспитанию» [11]. «Бог не устанавливал для спасения ни многодетности, ни «умеренной плодовитости», ни бездетности. Мы лишь не должны ставить себя на Его место, планируя появление ребенка, что исключительно во власти Создателя. Ведь когда супруги планируют детей по своим желаниям, забывая о Всемогушестве Божиим, они впадают в грех» [11].

В вопросе о деторождении и браке, в западном мышлении до последнего времени почти всецело господствовало учение Блаженного Августина (IV-V вв.). Августин считал, что та супружеская пара, которая избегает деторождения, является определено греховной, половая жизнь могла быть оправдана лишь через деторождение. Следовательно, если деторождение искусственно предотвращается, сексуальные отношения становятся по существу своему греховными даже в законном браке.

Иероним, Тертуллиан также придерживаются учения Августина и пишут о том, что хотя состояние девственности, целомудрия и наилучшее для женщины, однако ей отведена важная роль в жизни – это воспроизведение человеческого рода, поэтому даже вступление в брак для нее не является грехом, поскольку преследует благую цель.

Тем не менее были представители, выражающие ярко негативное отношение к детям, деторождению. Например, Эпикур считал брак и деторождение отвлечением от более серьезных стремлений, хотя он любил детей (чужих), и во имя удовлетворения этой склонности, по-видимому, надеялся на то, что другие люди не последуют его же совету. Вслед за ним этой же теории придерживался Лукреций. Для Петрарки (1304-1374), представителя эпохи раннего Возрождения, семья и дети также являются источником беспокойства, обузой, осложняющей жизнь. Выразителем подобных мнений является французский философ М. Монтень, говоря, что они (дети) подобны диким зверям (а таких детей в наш век тьма-тьмуша), их надо ненавидеть и бежать от них [7, с. 462]. Но это были лишь одинокие выкрики просветителей, стремившихся разоблачить репродуктивно-семейные ценности.

Взгляд на деторождение как на природную обязанность, которую каждый человек должен выполнять, нашел свое отражение в трудах представителей эпохи Раннего Возрождения. К. Салютати (1331-1406) считает, что, отказываясь производить потомство, люди уничтожают то, что в них произвела природа; они становятся несправедливыми по отношению к самим себе, своим близким, злыми по отношению к роду, человеку и в высшей степени неблагодарными по отношению к природе. Не оставив детей, человек будет несправедлив к своим предкам, т.к. уничтожит имя и славу рода. Он будет несправедлив к родине, не оставив ей после себя защитника, злобен (злонамерен) по отношению к роду человеческому, который погибнет, если его не будет поддерживать непрерывная преемственность поколений [12, с. 223].

Кроме этого, раннее Возрождение закладывает рациональные основы репродуктивного поведения семьи, ожидающей ребенка, а также родителей в отношении ребенка-младенца. Авторство этих идей принадлежит Барбаро Франческо (1395-1454) и Маффео Веджо (1407-1458). Так, Б. Франческо в своем трактате «О женитбе» впервые вводит в обиход идеи о гигиене беременности, а М. Веджо говорит о необходимости адекватной ситуации зачатия ребенка, которая многое значит для дальнейшего развития личности. Он сравнивает воспитание ребенка с выращиванием деревца, от которого, «если плохо укоренить, то сколь угодно не заботились бы потом о подрезании ветвей, напрасно будут ожидать когда-нибудь какого-либо доброго или богатого плода» [13, с. 200].

М. Веджо возрождает традицию представителей античной культуры рекомендовать сроки вступления в брак. Он настаивает, чтобы никто не вступал в брак со слишком молоденькой девушкой, от которой рождаются более слабые и «тупые» дети. То же следует думать и относительно старших по возрасту, у которых, как и у более молодых, дети менее совершенны и менее крепки душевно и телесно [13, с. 202]. Идеальным, с точки зрения физически и душевно здорового будущего потомства, М. Веджо считает 18-летний возраст для женщин и 36-летний для мужчин.

Л.Б. Альберти (1414-1472) в трактате «О семье» (1432-1434), с одной стороны, отмечает необходимость каждой семьи продолжить свой род, воспроизвести детей, с другой стороны, указывает, что дети являются величайшей радостью для отцов [14].

Представителем эпохи Высокого Возрождения с соответствующими взглядами на репродуктивную сферу семьи является Эразм Роттердамский (1466-1536). В своей работе «О воспитании детей» (1529) этот гуманист однозначно высказывается о том, что ребенок является ценностью, дороже которой у человека практически ничего нет. Антиценностью признается бесплодие супругов. Ценность ребенка

проявляется, с одной стороны, в обязанности родителя перед обществом, самим собой и ребенком воспроизвести его на свет, с другой стороны, в максимуме положительных эмоций, которые испытывает действительный и будущий родитель в связи с рождением и дальнейшим воспитанием ребенка. Э. Роттердамский указывает, что обязанность человека родить и воспитать ребенка – это обязанность, которой человек отличается от животных и более всего уподобляется божеству [15, с. 249]. Физического детоубийства в эту эпоху нет, но Эразм указывает на опасность так называемого нравственного, духовного инфантицида, когда высказывается о том, что своего рода детоубийство – это распущенное воспитание [15, с. 259].

Во взглядах известных утопистов эпохи Возрождения Т. Мора и Т. Кампанеллы тема ценности ребенка несколько нивелируется, большее значение у них приобретают идеи воспитания и обучения. Но, например, стихотворение Т. Мора (1478-1535), посвященного своим детям и названного «Маргарите, Елизавете, Цецилии и Иоанну, сладчайшим чадам», желает неизменно здравствовать, является показательным примером чувственного отношения к детям.

Т. Мор в работе «Утопия» подчеркивал, что надо всячески поощрять увеличение населения и ни в коем случае не допускать его сокращения. Причем число детей не должно подвергаться никакому учету.

Репродуктивная сфера эпохи Возрождения характеризуется изменением репродуктивных взглядов семьи, ценности ребенка и особенностей репродуктивного поведения. Заметно возросла роль ребенка в искусстве, он становится одним из самых частых героев маленьких историй: ребенок в семейном кругу; ребенок и его товарищи по игре, часто взрослые; ребенок в толпе, но не сливающийся с ней; ребенок – подмастерье художника, ювелира [16, с. 48]. Впервые культура эпохи Возрождения обращается к изображению ребенка в период внутриутробного развития, и связано это с именем Леонардо да Винчи и его работой «Эмбрион», 1510-1513 гг.

К этому времени ценится ребенок не любого возраста, как это было ранее, а несколько выросший, как бы заслуживший позитивное отношение к себе взрослых наличием ценных личностных качеств. Выразителем подобных мнений этого периода является М. Монтень (1533-1592), который считает, что не следует целовать новорожденных детей, еще лишенных душевных или определенных физических качеств, которыми они способны были бы внушить нам любовь к себе. Подлинная и разумная любовь должна появляться и расти по мере того, как мы узнаем их [7, с. 455].

Проследив историческую трансформацию репродуктивной сферы семьи, можно констатировать, что отношение родителей к детям на протяжении веков было двойственным, амбивалентным. Кроме

того, их взаимоотношения зависят от конкретных социальных условий, так что «естественное», само собой разумеющееся, нормативное для одной эпохи, например, инфантицид, выглядит «противоестественным», странным и даже чудовищным в другую эпоху. Среди базовых ценностей дети занимали далеко не первые места. Смерть ребенка расценивалась как вполне нормальное явление, не вызывающее особых отрицательных эмоций у родителей. Высокая рождаемость компенсировала все людские потери. Удивительно, но основные черты системы социальной регуляции рождаемости, нейтрализующей высокую смертность и обеспечивающей прирост населения, просуществовали тысячелетия.

Литература

1. Валентей Д.И. Теория и политика народонаселения. – М.: Высшая школа, 1966. – С. 25-27.
2. Flandrin J.-L. L'attitude à l'égard du petit enfant, et les conduites sexuelles dans la civilisation occidentale // Annales de Démographie Historique. 1973. P. 150 (note).
3. Августин. О граде божием. XXI. 14.
4. De Mause L. Op. cit. P. 1.
5. Shaher S. The Fourth Estate: A History of Woman in the Middle Ages. L.; N.Y., 1983.
6. Даль В. Пословицы русского народа. – М., 1984. – Т. 1. – С. 298.
7. Монтень М. Опыты: в 3 кн. – СПб.: Кристалл, Респекс, 1998. – Кн. 1 и 2. – 960 с.
8. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные им самим для своих потомков, 1738-1793. – СПб., 1871. – Т. 1. – С. 645.
9. Костомаров Н.И. Очерк домашней жизни и нравов ве-

ликорусского народа в XVI и XVII столетиях // Исторические монографии и исследования. – СПб., 1887. – Т. 19. – С. 155.

10. Семенова Л.Н. Очерки истории быта и культурной жизни России. Первая половина XVIII в. – Л., 1982. – С. 118-119.

11. Свт. Тихон Задонский. Творения. Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь, 1994. – С. 4.

12. Ревякина Н.В. Проблемы человека в итальянском гуманизме второй половины XIV-первой половины XV в. – М.: Наука, 1977. – 272 с.

13. Веджо М. О воспитании детей и об их достойных нравах / сост. вступ. статьи и коммент. Н.В. Ревякиной, О.Ф. Кудрявцева // Образ человека в зеркале гуманизма: мыслители и педагоги эпохи Возрождения о формировании личности (XIV-XVII вв.). – М.: Изд-во УРАО, 1999. – С. 199-214.

14. Альберти Леон Баттиста. О семье / сост. вступ. статьи и комментарии Н.В. Ревякиной, О.Ф. Кудрявцева // Образ человека в зеркале гуманизма: мыслители и педагоги эпохи Возрождения о формировании личности (XIV-XVII вв.). – М.: Изд-во УРАО, 1999. – С. 150.

15. Роттердамский Э. О воспитании детей / сост. вступ. статьи и коммент. Н.В. Ревякиной, О.Ф. Кудрявцева // Образ человека в зеркале гуманизма: мыслители и педагоги эпохи Возрождения о формировании личности (XIV-XVII вв.). – М.: УРАО, 1999. – С. 246-296.

16. Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. – 416 с.

Петрова Ирина Владимировна, аспирантка кафедры педагогики высшей школы, ЧитГУБ, Чита.

Petrova Irina Vladimirovna, post-graduate of department of Pedagogics, ChSU, Chita.

Тел.: 8-914-495-01-58, E-mail: rik@chitgu.ru

УДК 364.658:070.15 (571.53)

И.Ю. Резник

БРЕНДИНГ В РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОГРАММ (СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ)

В статье рассматриваются социологические аспекты процесса реализации социальных программ как взаимодействие заинтересованных сторон, эффективность которого имеет значение для формирования соответствующего бренда исполнительной власти.

Ключевые слова: социальные программы, реализация социальных программ, брендинг.

I.Yu. Reznik

BRANDING IN REALIZATION OF SOCIAL PROGRAMS (SOCIOLOGICAL ASPECTS)

The article deals with sociological aspects of process of realization of social programs as cooperation of interested partners with efficiency of which has sense for formation conform brand of executive power.

Key words: social programs, realization of social programs, branding.

Одним из важнейших факторов, определяющих социальную устойчивость региона, является успешная реализация социальных программ, входящих в программу социально-экономического развития региона как документа стратегического уровня планирования, управления и контроля ситуации. Успешность реализации социальных программ и соответствующее общественное мнение принимают форму соответствующих реакций со

стороны населения региона, что в целом не может не отразиться в деятельности средств массовой информации и часто происходит по технологиям формирования бренда [1].

Идеи брендинга в понимании автора предлагаемой статьи могут рассматриваться как необходимый элемент любого вида деятельности, если ее результаты имеют общественную значимость, формируют общественное мнение населения, его